

История одного класса

О.А. Чернышова

...и ребенок думает: «Я ничто. Чем-то могут быть только взрослые. А вот я уже ничто чуть постарше. А сколько же мне еще ждать? Ну, погодите, дайте мне только вырасти...»

Януш Корчак

Грустная история, которую я хочу рассказать, началась давно. Начало ее банально. Просто в одной стране решили провести эксперимент и разделить учеников старших классов по разным направлениям, а тех, кто плохо успевает в учебе, выделить в особый класс, чтобы не мешали остальным. Так вот. В одной обычной новой школе организовали классы, где дети хотят учиться, и классы, где или ребята «трудные», или родители. Собрали в такой «трудный» класс ребят из разных школ и стали наблюдать, что же будет. А было вот что.

В седьмом классе ребята еще не показали себя, а учителя уже мечтали, чтобы урока в этом классе у них не было. В восьмом классе ребят стало трудно понимать и говорить с ними. Из их уст очень часто можно было услышать «русскую народную речь», которая к концу учебного года заполнила 95% их словарного запаса. Учителя хватались за голову. Ребята не хотели учиться, постоянно ссорились, почти все уже курили.

Вот в таком классе я стала вести занятия. Сначала, уже привыкнув к окрикам учителей, ребята не слышали ни меня, ни друг друга. Как же быть? Опять кричать на них,

пугать наказаниями? Дети ведь и так другого отношения не видят. В школе их ругают, постоянно угрожают наказаниями и что «обо всем расскажут родителям». А у ребят просто не получается учиться, в их знаниях много пробелов, которые вовремя не заполнили, не проследили. Родителям часто не до детей, а тем более до таких, которые постоянно множат их проблемы.

В жизни за все нужно платить, чем-то жертвовать, и часто жертвами становятся именно наши дети, потому что родители вместо постоянной поддержки в такой трудный период бросают своих детей в жизнь, жертвуя их судьбой. Сначала, боясь всяких осложнений в отношении с родителями, ребята скрывают свои школьные проблемы, обманывают своих родителей. Причем обманывать приходится все больше и больше. Подростки учатся уже не математике, физике и т. д., а тонкой лжи, которая, по их мнению, спасет от роста проблем... и попадают в состояние постоянного стресса.

Как же ребенку быть? Кто поможет в сложной ситуации? Взрослые считают своей задачей наказать, проконтролировать. А один старший друг дает для расслабления сигарету или еще что-нибудь этакое. Он не ругает, не требует, а просто помогает... Ложь растет, приходится искусно играть в школе и дома. Школа к тому же пытается заставить ребенка принять пред-

ставления о себе как о лентяе, двоечнике, неудачнике. Взрослые вряд ли выдержали бы такое давление, окажись они в подобной ситуации...

В нашей школе, считающейся хорошей, решили продолжить эксперимент. В конце восьмого класса ребят перетасовали, обозвав этот процесс умным словом «профилирование», в итоге «трудный» девятый вобрал в себя ребят, которые мешают учиться «хорошим» детям. В расписании для занятий с мальчиками этого класса мне отводился 1 час. Что же стало очевидным? Среди всех девятых классов (у меня была возможность сравнивать) «трудные» ребята отличались своими представлениями о жизни. С ними было интересно говорить на любые темы, лишь бы они не касались школы и всего с ней связанного. Они много размышляли над жизненными проблемами. Я спрашивала «зачем?», а они думали, формулировали свои ответы. Ни в одном из «хороших» классов мне не приходилось слышать таких интересных точек зрения, «умные» классы обычно давали умные ответы, как их учили. Я никогда не могла предсказать, о чем будет разговор в «трудном» классе, хотя определенные заготовки для урока у меня всегда были. Ребята вводили меня в самые неожиданные области, постоянно проверяя мои познания в них. Занятия проходили очень бурно. Это было похоже на экзамен в хорошем смысле этого слова, а потому мне требовались постоянные пополнения своего багажа знаний. Мне пришлось ознакомиться даже с законами тюремной жизни, мы уходили в темы смысла жизни, лжи, любви, взаимоотношений с родителями, говорили о курении и зависимостях. Ребята относились с пониманием, если я не знала чего-то интересующего их. Они с удовольствием рассказывали о том, как им удалось побороть проблемы, с которыми их столкнула жизнь. Однако не всегда было так гладко. Часто занятия начинались не сразу. Первые минуты оказывались им необходимы для того, чтобы выговориться, прийти в себя. Бывали уроки, когда на это уходило 25 минут, а случалось, что начинался урок еще до

звонка и ребята не хотели уходить на следующий урок.

Всегда и в любом состоянии они готовы были делать что-то вместе. Например, заниматься рисованием. Начинали мы с карандашей, затем были краски. Рисовали забор, на котором можно «творить». Очень нравились ребятам занятия, на которых я давала им большой лист бумаги и они рисовали левой рукой. Вообще, рисование для этого класса — частичка настоящей жизни. Начиналось обычно с того, что каждый рисовал свое, затем рисунки пересекались и приходилось совмещать работы. Потом просыпалась фантазия, правда, вместе с ней на бумаге появлялись ругательства; мазки и линии становились эмоциональнее.

Рисование красками заканчивалось общей неразберихой, «кашей». Однажды кто-то заметил, что «каша» вдруг стала похожа на болото (цвет тоже был очень похож), а затем прозвучали слова: «Мы не хотим быть болотом», и кто-то вдруг предложил из этого болота сделать цветок. Бумага была покрыта толстым слоем акварели, которая уже не могла впитываться. Сначала рисовали очень аккуратно, боясь испачкаться в краске. Вместе нарисовали цветок кистями, а потом решили украсить его отпечатками своих ладоней. В результате получилась изумительная картина с изображением цветка (из болота) и ладоней в лепестках. На лицах детей сияли искренние улыбки. В тот момент я чувствовала себя абсолютно счастливой. Они сделали что-то вместе в попытке вывести себя из болота без моих слов и подсказок. Это было проявление их внутреннего мира, их Я. Постепенно они сплотились, стали светиться звездочками, но, к сожалению, имея опыт своей ненужности, они не делали ничего для школы, хотя эти ребята человечны и чувствительны намного больше, чем хорошо воспитанные. Они всегда здороваются, причем не официально, а от души, они и обижаются, и радуются искренне. Мне очень жалко, что их не «увидели» многие учителя, не поддержали их. Ярлык «плохого ученика» повесили им, а

они, устав доказывать противоположное, стали подтверждать правильность ярлыка.

Именно с этим классом у меня связаны наиболее яркие воспоминания. Я отдавала ребятам все свои силы, свою фантазию. Да, бывало, я вылетала из класса как ошпаренная, боясь сорваться и крикнуть, но, отдышавшись, возвращалась, понимая, что не имею права, потому что в ответе за них. Мы вместе обсуждали их и мое отношение к различным поступкам. Я учила их, они учили меня.

По запросу администрации я проводила диагностику познавательных процессов — нужно было дать рекомендации, помочь «трудным» ребятам. Результаты обследования поразили меня, я не поверила своим глазам и для сравнения провела диагностику в «успешном» девятом классе. Выяснилось, что особой разницы в развитии познавательных процессов у детей обоих классов нет. К концу учебного года такое положение окончательно подтвердилось.

Дело в том, что огромную роль в развитии «успешного» класса сыграла замечательная классная руководительница, которая в восьмом классе активно занималась детьми. Ребята посещали музеи, выставки, театры, отличались своим поведением, вежливостью. На следующий учебный год класс передали «классной даме». Результатом явилось то, что, не получая должного развития, «успешный» класс к концу года полностью развалился, превратившись в кучку невыдержанных детей.

Их развитие как бы остановилось, они не сформировались как личности, часто не имеют своего мнения.

«Трудные» ребята к этому времени уже лично сформировались, не поддавшись попытке уравнивать всех в обучении, они стали яркими индивидуальностями, которые, правда, не всегда ладят с дисциплиной.

Сейчас «трудные» ребята поступают в колледжи и техникумы. Хочется пожелать им найти себя; найти ту среду деятельности, которая им окажется интересной, где они будут нужны и полезны, где их примут.

Хочется спросить у нас, взрослых: что с нами происходит? Чем же виноват ребенок, если он на свет появился в неблагополучной семье? Он страдает гораздо больше нас, нуждаясь в нашей поддержке, а не в нравоучениях и наказаниях.

Закончу словами Януша Корчака:

«Вы говорите:

– Дети нас утомляют.

Вы правы.

Вы поясняете:

– Надо спускаться до их понятий.

Опускаться, наклоняться, сгибаться, сжиматься.

Ошибаетесь.

Не от этого мы устаем. А от того, что надо подниматься до их чувств.

Подниматься, становиться на цыпочки, тянуться.

Чтобы не обидеть».